

СИНТАКСИС РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА В СВЯЗИ С МЕТРИКОЙ, СТРОФИКОЙ, ЖАНРОМ СТИХОТВОРЕНИЯ*

© 2017

Наталья Викторовна Патроева

Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, 185910, Российская Федерация; nvpatr@list.ru

Целью статьи является анализ основных тенденций, выявляющих тяготение того или иного жанра, типа метрической и строфической организации, к тому или иному структурному типу предложения. Поэтический синтаксис понимается широко — как синтаксическое построение стихотворного текста, основной единицей которого автор статьи считает предложение. С опорой на данные «Синтаксического словаря русской поэзии XVIII века» делается вывод о том, что синтаксис эпохи русского барокко, классицизма и сентиментализма в целом отличается пристрастием к сложным предложениям (в среднем 62 % от общего количества конструкций), из них более половины составляют многочастные с одним или разными видами связи образования; сложносочиненные предложения составляют только 6 % от всех предложений, а сложноподчиненные встречаются более чем в два раза чаще (14 %); на долю бессоюзия приходится 18 % сложных конструкций; еще более 20 % от общего числа контекстов составляют сложные предложения с разными видами связи. Отмечаются последовательное стремление русских поэтов синтаксически упростить короткие (одно- и двустопные) двусложники, эксперименты с анапестом, дактилем и тактовиком; сложными построениями оказываются стихи, написанные силлабикой, длинными и средними ямбами, хореем, амфибрахией, вольными и разностопными размерами, логаядами, гекзаметром и пентаметром. Важнейшая закономерность композиционно-синтаксической организации стихотворных текстов — сложное построение большинства нечетных по количеству строк строфических произведений, десятистиший и октав. Выявляется сложность синтаксической организации духовной оды, гимна, мадригала, послания, кантаты и сонета. На протяжении XVIII в. упрощается построение басен, эпиграмм и эпитафий, стансов, внежанровых стихотворений; синтаксически наиболее простой оказывается баллада.

Ключевые слова: малые и средние поэтические жанры, метрика, поэтический синтаксис, русская поэзия XVIII века, строфика

THE SYNTAX OF 18-CENTURY RUSSIAN POETRY IN CONNECTION WITH METRICS, STROPHIC ORGANIZATION, AND GENRE

Natalia V. Patroeva

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; nvpatr@list.ru

The article concerns the attraction of various types of metric or strophic organization and genre to a particular structural type of sentence. I understand poetic syntax as the syntactic organization of poetic text, the main unit whereof is a sentence. Drawing on the data from “The syntactic dictionary of Russian poetry of the 18th century”, I conclude that the syntax of the Russian Baroque, Classicist, and Sentimentalist poetry tends to have complex sentences (on average, 62 % of the total number of structures), more than a half

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17-04-00168.

of them having multiple units with one or different types of connection. Complex sentences, on average, are only 6 % of the polypredicative structures, while compound sentences occur more than two times more frequently (14 %); asyndeton is 18 % of the complex structures; complex sentences with different types of connection are more than 20 % of the contexts. There is a consistent tendency to syntactically simplify short (monometer and dimeter) dissyllabic feet as well as experiments with the anapest, dactyl, accentual verse; complex structures are usually present in poems written in syllabic, long, and medium iamb, trochee, amphibrach, feet of free meter and different-feet meter, logaoedic verse, hexameter, and pentameter. The most important feature of the compositional and syntactic organization of poetic texts is complex construction of the majority of strophic poems, decimes, and octaves odd by the number of rows. The complexity of the syntactic organization of ode, hymn, madrigal, epistle, cantata, and sonnet is revealed. During the 18th century the structure of fables, epigrams, epitaphs, elegiac stanzas, poems without genre is simplified; ballad turns out to be syntactically the simplest.

Keywords: poetic syntax, Russian poetry of XVIII century, metrics, stanzaic prosody, small and medium poetic genres

1. В поэтической речи, в силу ее высокой степени организованности [Ковтунова 1986: 5], отбор, строение и расположение синтаксических конструкций приобретают особое значение. По мнению Р. О. Якобсона [1987: 84], именно от «грамматической ткани поэтического языка в большей мере зависит его действительная значимость»: синтаксические формы здесь не только информативно и эстетически нагружены, но и выполняют самые разнообразные функции (структурную, композиционную, ритмообразующую, интонационную, экспрессивную и др.), кроме того, грамматика художественного текста также отражает особенность художественного мышления, индивидуальной психологии писателя, авторскую «картину мира», поэтому без выяснения вопроса о роли синтаксиса в формировании поэтического стиля нельзя ни «установить конкретно-языковое — а следовательно, стилистическое — своеобразие отдельных писателей и целых литературных направлений, ни выявить ту роль, которую соответствующие писатели и направления играли в общем процессе развития синтаксической системы данного языка» [Сильман 1967: 7]. Между тем до сих пор «стихотворный синтаксис в целом остается (...) сравнительно мало исследованной областью» [Матяш 2011: 103], и вопросы о том, что такое «поэтический синтаксис», какова его основная единица, какими особенностями синтаксическая организация стихотворного текста отличается от синтаксиса прозы и как взаимодействуют в системе поэтического текста ритм, размер, метр, каталектика, рифмовка, синтаксис, по-прежнему актуальны и ждут специального комплексного анализа.

Разработка проблем синтаксической организации поэтического текста началась примерно столетие назад в трудах лингвистов и литературоведов — представителей «Московского лингвистического кружка» и членов «Общества изучения поэтического языка» (ОПОЯЗ). В 1910—1920-е гг. О. М. Бриком, Б. М. Эйхенбаумом, Б. В. Томашевским, Ю. Н. Тыняновым были намечены возможные подходы к изучению взаимодействия ритма и синтаксиса [Тынянов 1965: 69—70; Эйхенбаум 1969: 328]¹. При этом одни из «опоязовцев» настаивали на том, что в стихе синтаксис существенно деформируется ритмом и становится чем-то «условным»², другие же более осторожно заявляли о том, что синтаксическая структура только «приспосабливается» к ритмо-метрической [Брик 1927]. В качестве основной структурной единицы стиха, на которую ритм и метр накладывают те или иные ограничения, была выдвинута строка («стиховой ряд», стих), демонстрирующая постоянную борьбу

¹ «Стихотворный синтаксис строится в неразрывной связи с ритмом (...). Стихотворная фраза есть явление не синтаксическое вообще, а ритмико-синтаксическое» [Эйхенбаум 1969: 328].

² Ср.: «Грамматическое исследование поэзии, особенно лирической, — область филологического знания, более проблематичная в исходной своей точке, чем изучение грамматики художественной прозы. Сама значимость грамматики для поэтического текста не раз подвергалась сомнению (...) тенденция к аграмматизму (...) высказывания в лирической поэзии гораздо сильнее, чем в поэзии сюжетной, а тем более в прозе» [Сидорова 2000: 300].

ритма и синтаксиса, несовпадение синтаксического и ритмо-метрического членения (в связи с появлением переносов, или анжамбеманов).

В середине XX в. Б. В. Томашевский и Н. С. Поспелов разрабатывают новый аспект проблемы — взаимодействие синтаксиса и композиции стихотворного текста [Томашевский 1959: 305—313; Поспелов 1960: 33—39]³: в частности, было замечено, что более сложное синтаксическое строение свойственно строфически организованным произведениям, поскольку чаще выявляется тенденция к симметрии предложения и строфы, к совпадению их границ. Впрочем, несколько позже высказывались и иные суждения: о часто не менее сложном синтаксическом построении астрофических стихотворений в силу большей свободы, нескованности строфическими рамками, разомкнутости, которые предоставляет лишенная деления на строфы стиховая композиция; см., например, [Пейсахович 1976].

В 1970-е гг. Г. Н. Акимова [1973] уделила много внимания вопросу о длине и средних размерах предложения в поэзии (на материале од), их сопоставлению с аналогичными характеристиками в прозе. Так, уже усилиями не стиховедов, а грамматистов сформировался еще один подход к анализу поэтического синтаксиса: не отрицая важности изучения стихотворного синтаксиса в аспекте строки или составляющего ее слова (Ю. Н. Тынянов, Б. В. Томашевский, Г. А. Шенгели и др.), строфы и сложного синтаксического целого (Н. С. Поспелов), Акимова сосредоточила взгляд на описании основной синтаксической единицы — предложения — как одновременно и основной единицы поэтического синтаксиса⁴ в плане «количественном (объем предложения) и качественном (принципы развертывания и расширения предложения)» [Акимова 1977: 100].

1980—1990-е гг. и начало следующего столетия ознаменовались выходом в свет монографий по «грамматике поэзии» И. И. Ковтуновой и ее учеников и последователей [Очерки 1993; Поэтическая грамматика 2005; 2013] — представителей функционально-коммуникативного подхода, интерпретирующего поэтический текст, прежде всего, как особую («фиктивную», «превращенную») форму коммуникации, в условиях которой исходная целеустановка предложения существенно трансформируется, высказывание характеризуется «повышенной предикативностью», семантической и функциональной «неоднозначностью», в создании которой важную роль играет поэтический дейксис, сочетание симметричности и асимметричности построения, а также инверсия компонентов (свое начало «грамматика поэзии» берет в трудах Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Р. О. Якобсона; см. подробнее [Шапир 1987]). 2000-е гг. демонстрируют усиление интереса стиховедов к «установлению структурной связи явлений стиха с явлениями (...) грамматики» [Гаспаров, Скулачева 2004: 12—13] (сравнительно недавние исследования М. Л. Гаспарова, Т. В. Скулачевой, М. И. Шапира в области «лингвистики стиха» опираются на классические работы В. М. Жирмунского, Б. И. Ярхо, Б. В. Томашевского, Г. А. Шенгели, специальный анализ которых нет возможности представить в узких рамках статьи).

В этом кратком экскурсе в историю изучения поэтического синтаксиса мы, к сожалению, оставляем без внимания многочисленные и интересные работы, посвященные анализу разнообразных фигур речи, формирующих сложно организованную структуру и семантику

³ Ср. также с мнением Т. И. Сильман [1977: 49]: «Синтаксис в стихе опирается на ритмическое строение строф и стихотворных строк и тем самым приобретает особое структурное, архитектурное значение».

⁴ Задаваясь вопросом, из чего состоит стих, современные стиховеды отвечают «из словосочетаний», подчеркивая при этом, однако, что «слова в стихе складываются друг с другом не механически, а по законам синтаксиса» [Гаспаров, Скулачева 2004: 119]. Вероятно, отказ от признания предложения в качестве основной единицы поэтического синтаксиса диктуется в этом случае тем обстоятельством, что границы стиха далеко не всегда совпадают с границами отдельного простого предложения или части сложной конструкции. На наш взгляд, присутствие синтаксического переноса, сигнализирующего об отсутствии симметрии между стиховым и синтаксическим членением, никак не мешает признать основной единицей стихотворного синтаксиса предложение, поскольку сам факт переноса уже заставляет сопоставить границы именно предложения и строки.

стихотворного текста⁵, а также построений, обнаруживающих сходство поэтической речи с иными типами дискурса (внутренней, разговорной речью или философскими текстами — см. [Лебедева 1971; Азарова 2010]), поскольку сосредоточимся далее на освещении некоторых аспектов, касающихся взаимосвязи синтаксиса, метрики, строфики и жанровой специфики поэтического текста, с опорой на данные, полученные в ходе работы над осуществляемым с 2015 г. кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета научным проектом «Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века». Задачей статьи является выяснение основных тенденций, выявляющих тяготение того или иного типа метрической организации, строфической организации, жанра к тому или иному структурному типу предложения, поскольку поэтический синтаксис, понимаемый широко — как синтаксическое построение стихотворного текста, а не более узко — как синтаксис лишь семантически и коммуникативно трансформированных либо экспрессивно-стилистически отмеченных конструкций, в качестве основной своей единицы, подобно синтаксису общелитературного языка, имеет предложение (в этом смысле строка, синтагма, колон, фраза, строфа или астрофический период — не синтаксические единицы грамматического уровня поэтического текста, но элементы членения стихотворного текста, имеющие отношение прежде всего к его метрической, ритмо-мелодической и композиционной организации). Выбор структурного, семантического и коммуникативно-функционального типа которого автором, а также расположение в системе целого текста во взаимосвязи со всеми иными его элементами и в соответствии с размером, строфикой, рифмовкой составляют «необщее выражение» индивидуального слога не только отдельного поэта, но и поэтического синтаксиса как особой подсистемы общелитературного языка соответствующего периода, с одной стороны, и языка поэзии — с другой. Предпочтение именно предложения как законченной в структурно-смысловом отношении единицы в качестве исходного элемента поэтического синтаксиса позволяет также сосредоточиться на исследовании семантики, коммуникативных особенностей и трансформаций, функционального потенциала, сочетаемости, различных видов риторических приемов, активности более или менее «тесных» типов синтаксических связей в строке и между стихами и т. п. аспектов.

2. «Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века» демонстрирует репертуар синтаксических конструкций, используемых русскими поэтами XVIII в. (А. Д. Кантемиром, В. К. Тредиаковским, М. В. Ломоносовым, А. П. Сумароковым, Г. Р. Державиным, М. М. Херасковым, А. Н. Радищевым, Н. М. Карамзиным, И. И. Дмитриевым), и является по своему предназначению сводным⁶ писательским словарем, демонстрирующим основные тенденции в эволюции синтаксических доминант русской поэтической речи, отдельных поэтических идиостилей, а также в развитии русского литературного языка ломоносовской и карамзинской поры в целом (поскольку преобладающими для данного периода были именно поэтические жанры) и позволяет представить общую картину формирования синтаксических норм малых и средних жанров русской силлабической и силлабо-тонической поэзии в аспекте их становления, изменчивости либо преемственности и в тесной связи с динамикой норм жанрово-стилистических и ритмо-метрических. В качестве единицы описания (словарной единицы) в словаре выступает простое и сложное предложение, анализируемое с точки зрения разнообразных параметров: а) по структурной схеме или типологической рубрике (простое или сложное предложение, элементарное⁷

⁵ Обзор работ в этой области и анализ функционирования некоторых типов фигур речи в поэзии см. в [Береговская 2004].

⁶ См. о типе сводного писательского словаря в работе [Шестакова 2012].

⁷ По давней учебной традиции однородные члены предложения считаются принадлежностью осложненного предложения. Известность получила и точка зрения, согласно которой предложения с однородными сказуемыми следует считать не простыми, а сложными, с несколькими предикативными центрами [Белошапкина 1967; РГ 1980]. В концепции данного словаря однородные члены относятся

или осложненное⁸, двусоставное или односоставное, сложное бинарное либо многочастное предложение); б) по типу синтаксических связей⁹ и количеству частей (для полипредикативных конструкций); в) по грамматическому значению, т. е. типу синтаксических отношений, выявляемых между частями сложных предложений; г) по модальной характеристике (утвердительное, обще- или частноотрицательное); д) по полноте / недостаточности состава (полное, неполное, эллиптическое); е) по принадлежности к так называемым «элементам текста» (синтаксически не членимым, выраженным частицами, междометиями, модальными словами синтагмам, обращениям, сегментам типа именительного или инфинитива темы, парцеллятам, парантезам, представляющим собой автономные синтаксемы); ж) по типу осложняющих конструкций (фиксируется присутствие в предложении обособленных оборотов, вводных либо вставных синтагм, обращений, сегментированных или присоединительных конструкций), однородных рядов; з) по длине (количеству слов, строк-стихов, строф, составляющих конструкцию); и) по соотносительности с жанром, видом строфы, вольной или астрофической композицией, метрической схемой; к) по риторическому приему (фигуре речи); л) с точки зрения наличия / отсутствия анжанбемена (поскольку «из многочисленных аспектов изучения стихотворного синтаксиса наиболее существенным для стихотворной

не к осложняющим элементарное предложение конструкциям, а к так называемым «расширителям» модели (ср. с мнением В. Н. Перетрухина [1979: 48], отмечающего неправомерность включения в число способов осложнения простого предложения однородных членов, которые занимают лишь одну синтаксическую позицию и поэтому только количественно «расширяют» структурную схему, поэтому предложения с однородными членами характеризуются как «неосложненные»).

⁸ К «осложненным» моделям предложений отнесены структуры, содержащие вторично-предикативные и интонационно выделенные паузами синтагмы: обособленные причастные, деепричастные, адъективные, субстантивные, наречные, инфинитивные и местоименные полупредикативные обороты, союзные пояснительные конструкции, сравнительные обороты, сегментированные (или «пролептические» [Санников 2008: 89—102]) построения, присоединительные конструкции, вводные и вставные конструкции, обращения. Обоснование границ понятия «осложненное предложение» см., например, в работе [Патроева 2016б: 6—20].

⁹ Спорное для ряда современных исследователей (как в свое время и для М. Н. Петерсона) деление сложных предложений на сложносочиненные и сложноподчиненные по типу союза, а также выделение, наряду с союзными, бессоюзных сложных конструкций составителям словаря представляется все же максимально адекватным задачам описания: результаты выборки нацелены, кроме прочего, на выяснение эволюции русской синтаксической системы (а в работах по историческому синтаксису используется именно трехчастная оппозиция сложных предложений) и на то, чтобы продемонстрировать (в сопоставлении с данными, полученными стиховедами) степень распространенности союзно оформленных сочинительных и подчинительных типов связей, а также определить долю бессоюзия в стихотворных жанрах. Несмотря на то что грамматическая семантика предложений, особенно поддерживаемая значением союза, в большинстве случаев поддавалась дефиниции, в ряде случаев точной квалификации «мешали» синонимичность сложносочиненных и сложноподчиненных, в традиционных терминах, конструкций (некоторые из подобных релятов подробно рассматриваются в [Санников 2008: 394—434; Урысон 2011]) и неоднозначность отношений между частями бессоюзных соединений, только еще более характерную для поэтического текста, чем для какой бы то ни было иной коммуникативной сферы. Определяющим фактором при отнесении предложения к сложносочиненному либо сложноподчиненному был тип союза (памятуя о критерии А. М. Пешковского [1959: 137], союзы, используемые для оформления однородных рядов, отнесены к сочинительным, все иные — к подчинительным), хотя, разумеется, автор статьи отдает себе отчет в том, что многозначность союзов в ряде случаев ставит под сомнение оппозицию «сочинение / подчинение частей». Поскольку в рамках этой статьи нет возможности более подробно останавливаться на этих и иных теоретико-методологических основаниях использованной в синтаксическом словаре классификации, сошлемся на работу [Патроева 2016а] и добавим только, что исторически сложившийся в качестве грамматически отчетливо выраженного «синтаксический строй русского языка таков, что в нем сложносочиненные, сложноподчиненные и бессоюзные предложения составляют взаимно соотносительные (...) и взаимно дополняющие (...) компоненты единой подсистемы, которая и должна изучаться в ее целостности» [Тарланов 2007: 330].

речи является соотношение строки (единицы стихового ритма) и фразы или, точнее, вопрос о соотношении метрических и синтаксических границ» [Матяш 2011: 93] — см. табл. 8 и 9 в Приложении, с. 41). Всего в словарное описание включены более 14 000 предложений. Словарь помогает также выяснить активность в поэзии разных типов так называемых «сильных» позиций текста (заглавия, эпиграфа, посвящения), конструкций с прямой речью как особых синтаксических феноменов. Подобное комплексное описание позволило выявить целый ряд тенденций, доказывающих вполне очевидную и тесную связь синтаксиса, метрики, строфики и жанра произведения.

Поэтический синтаксис эпохи классицизма и сентиментализма в целом отличается пристрастием к сложным предложениям (в среднем 58 % от общего количества конструкций), из них более половины составляют многочастные с одним или разными видами связи образования, — см. табл. 1 и 2 (с. 34—36). Если проследить динамику моно- и полипредикативных структур у поэтов начала, середины и конца XVIII в., то окажется, что силлабическая поэзия (Кантемир, Тредиаковский, Сумароков) прибегала к использованию сложных конструкций в среднем в 70 % от общего количества предложений; пришедшая ей на смену силлабо-тоника (Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков) снизила этот показатель до 60 %¹⁰, однако классицисты второго поколения повысили этот показатель до прежнего уровня (Херасков, Державин, Радищев), и прежде всего в своих одах; затем сентименталисты вновь и более существенно, чем поэты середины столетия, ослабили роль полипредикативных построений, сократив их относительную долю до 56 % (у Карамзина) и даже до 49 % (у Дмитриева¹¹). Таким образом, замена силлабики силлабо-тонической системой, освоение русскими поэтами все более разнообразных техник стиха (размеров, отступлений от строгой метрической схемы, разностопности, полиметрии, спектра рифм и клаузул), как, разумеется, и переход от высоких жанров к средним, сопровождались (впрочем, вполне предсказуемым) сокращением активности сложных предложений в стихотворной речи, причем этот процесс, очевидно, шел параллельно с формированием нового прозаического слога и чуть опережая его.

3. Исследователи «лингвистики стиха» уже отмечали гораздо более высокую, чем в прозе, активность сочинительных и бессоюзных связей в сравнении с подчинением [Скулачева, Буякова 2010]: согласно данным, полученным на материале солидного по объему корпуса фольклорных и литературных текстов, соотношение сочинительных и подчинительных связей на границах строк и частей сложных предложений в авторских поэтических произведениях в среднем примерно составляет 3:1 или 3:2 (подсчет при этом велся не по количеству сложносочиненных или сложноподчиненных предложений в целом, а по числу союзов или союзных слов, открывающих каждую часть предложения), тогда как в прозе — наоборот¹² (исключение среди авторов классицистического периода составляет

¹⁰ Этот «усредненный» показатель мало отличается от данных, выявленных исследователями на материале отдельных образцов русской художественной прозы последней трети XVIII в. (по данным австрийских коллег, в прозаических произведениях Д. И. Фонвизина и Н. М. Карамзина 1770—1790-х гг. около 40 % всех предложений простые, 60 % — сложные, см. [Хютль-Фольтер 2002: 309]), что, вероятно, говорит о влиянии поэтического языка эпохи барокко и классицизма на становление новой русской художественной прозы.

¹¹ И все же развитие русской поэзии в последующие десятилетия, что уже показали предварительные наблюдения над синтаксисом романтической лирики [Лебедев 2016], привело к увеличению доли сложных конструкций примерно до тех показателей, что характерны для стихотворений Карамзина, а не Дмитриева: очевидно, здесь сыграли роль как авторитет главы «нового слога», так и обнаружившееся у поэтов школы Жуковского и Батюшкова стремление к созданию «поэзии мысли», а не только «сердечного выражения», что потребовало не дальнейшего упрощения, а напротив, усложнения структуры и семантики поэтического дискурса.

¹² Эта тенденция на материале прозы подтверждается исследователями жанра путешествия: у Фонвизина сложноподчиненные предложения составляют 58 % от всех полипредикативных единиц, у Карамзина — 42 % [Хютль-Фольтер 2002: 309].

Ломоносов, у которого подчинение выявлено в 45 % связей внутри сложных конструкций); доля бессоюзия на фоне союзных сложных предложений колеблется в стихе от 40 до 50 %, тогда как в прозе приближается к 20—30 % (округленно). Как полагает Т. В. Скулачева, «увеличение количества сочинительных связей, особенно между строками, и выравнивающая и сопологающая строки интонация обеспечивают сопоставимость и равновесность стихотворных строк» [Гаспаров, Скулачева 2004: 275], необходимые для создания стихотворного ритма, — то, что в свое время В. М. Жирмунский [1975: 452] назвал приемом «синтаксического сопоставления», основанного на параллелизме, рядоположенности и интонационном единстве.

Соглашаясь с этим выводом о ритмообразующей функции сочинения в поэзии, отметим, что, по нашим данным, сложносочиненные предложения из двух и более частей составляют в среднем не более 6 % всех конструкций, а сложноподчиненные встречаются почти в два раза чаще (15 %); на долю бессоюзия приходится примерно пятая часть контекстов; в среднем около 25 % составляют сложные предложения с разными видами связи (см. табл. 1 и 3, с. 34—35, 37). Эти количественные показатели, демонстрирующие существенное расхождение между поэзией и прозой в способе построения текста¹³, все же свидетельствуют о стремлении поэтов, использующих, в терминах М. И. Шапира [2003: 33, 35], классический «синтаксический» тип фразы (в котором сила межстрочных связей обычно уступает «тесноте» связей внутристиховых, а границы предложения или предикативной части стремятся совпасть с размером строки), разнообразить как ритмо-мелодическое движение стихотворного текста, так и его сложно организованную семантику, достаточно активно насыщая поэтическую систему не только ассоциативно-сопоставительными и перечислительными смысловыми соответствиями, но и отношениями атрибуции и обусловленности; «выравнивающие» и «сопологающие» строки по смыслу соединительно-перечислительные и сопоставительно-противительные отношения в сфере сочинения составляют в среднем около половины, а среди бессоюзно оформленных — только треть контекстов.

4. Средняя длина предложения — один из важных ритмо- и стилеобразующих факторов речи. В поэзии оказывается возможным использование очень больших по объему (до нескольких десятков слов) осложняющих единиц, благодаря тому, что стихотворный синтаксис, подчиненный строгой метрической схеме, легче, чем прозаический, выносит не разрушающую понимание сообщения сложность построения. По нашим данным, демократизирующая поэтическую речь тенденция к значительному сокращению длины фразы, обычно отмечаемая в качестве яркой приметы «нового слога» в русской литературе, не нашла сколько-нибудь четкого и последовательного отражения в исследованном материале, если говорить об объеме предложения, выраженном в количестве занимаемых им строк (стихов), а не слов: в направлении от Ломоносова к Карамзину средняя протяженность предложения составляет примерно три стиха (см. табл. 4, с. 37), и не только не убывает резко, но даже возрастает, достигая максимума у Державина и Радищева. Длина же предложения, выраженная в количестве слов, предсказуемо уменьшается в 1,5—2 раза при сопоставлении силлабического синтаксиса Кантемира и построения фраз классицистами (исключая Радищева) и сентименталистами. Это сокращение словного объема предикативной структуры, казалось бы, следует обосновать, прежде всего, перестройкой жанрово-стилистической системы поэзии (приход «средних» жанров на смену «высоким») и обнаружившимся у карамзинской школы стремлением к сближению художественной речи с устной разговорной, однако при сопоставлении питавшего особое пристрастие к оде Ломоносова и более

¹³ В прозе XVIII в., согласно проводившимся исследованиям (к сожалению, на не очень обширном материале, а также без разделения на бинарные и многокомпонентные как «чистые», так и контаминированные структуры), в повествовательных произведениях Фонвизина и Карамзина сложносочиненных предложений по 10 %, сложноподчиненных — 58 и 42 %, к бессоюзным относится 18 и 6 % соответственно [Хютль-Фольтер 2002: 309].

ценившего послание и песню Карамзина мы обнаруживаем (см. табл. 4, с. 37), что разница в средней длине фразы, выраженная в количестве знаменательных и незнаменательных слов, у этих авторов составляет только одно слово, причем самое длинное предложение Карамзина (143 слова и 34 строки!) превышает максимумы Кантемира и Ломоносова (133 и 134 слова, 18 и 12 строк соответственно), уступая только 156-словной фразе Тредиаковского, размещающейся, однако, в 22 стихах. Впрочем, если сопоставлять выявленные средние размеры с длиной предложений в прозе XVIII в., то длина стихотворного высказывания оказывается, несмотря на преобладание в поэзии рассматриваемого периода многочастных сложных построений, в среднем меньше того же показателя в прозе [Акимов 1977: 101], однако было бы явным преувеличением, на наш взгляд, делать на этом основании вывод о «синтаксической неразвернутости стихотворной речи» как о некоей общепозитической закономерности [Там же: 108], поскольку не менее 2/3 конструкций в стихах, по крайней мере изучаемого периода, представлены сложными и осложненными моделями.

Объяснение взаимосвязи неожиданных и противоречащих, на первый взгляд, друг другу тенденций следует, вероятно, искать в области метрики и строфики стихотворных текстов. С одной стороны, Карамзин и Дмитриев уже гораздо реже используют популярное у предшественников по поэтическому цеху десятистишие (на долю этого типа строфы приходится в их построениях не более 10 %, в то время как у Ломоносова и его последователей этот показатель достигает примерно 25—40 %). С другой стороны, сентименталисты, наряду с коротким катреном, явно тяготеющим к совпадению с границами предложения, часто прибегают к вольным строфическим композициям, освобождавшим поэтов от необходимости соотносить протяженность предикативной единицы и строгой строфической формы. Державин, не питавший пристрастия, в отличие от своих предшественников и современников, к астрофическому типу построения текста, активно экспериментирует не только с одической строфой, но и с шести- и семистишиями, что, очевидно, также способствовало удлинению размера предложения, в сравнении с ломоносовским, и приближению его к силлабическому показателю. Радищев, в основном писавший десятистишиями, добивается, как и Державин (см. табл. 6, с. 39), увеличения словного объема одической фразы, насыщенной ораторскими интонациями и многочастными построениями с подчинением и бессоюзием.

Длина предложения оказывается тесно связанной с границами строфы (как правило, синтаксическое и строфическое членение несимметричны — см. табл. 8 (с. 41), однако классицисты «второго поколения» стремились гораздо чаще, чем их предшественники и лирики сентиментальной школы, к совпадению размеров предложения и строфы) и с метрической схемой: на протяжении XVIII в. самыми популярными стихотворными размерами были ямбы — шестистопный, четырехстопный, затем (у Сумарокова, Хераскова, Карамзина и Дмитриева) еще и вольный (см. табл. 5, с. 38—39). Ямб шестистопный и вольный — размеры, требующие длинных строк, а значит, их более сложный, чем у короткого четырехстопного ямба, ритм обуславливает и увеличение количества слов во фразе. К тому же за шестистопным ямбом был прочно закреплен «высокий» ореол метра, которым писались героические эпопеи, поэмы и трагедии, что также обязывало автора подчиняться традиции монументально и сложно устроенного текста даже при создании «средних» (послания, сатиры, элегии, идиллии, эклоги) и «низких» (эпиграммы, «надписи», мадригалы) жанров.

Таким образом, в течение XVIII в. жанрово-стилистическая динамика оказала на фразовые размеры меньшее влияние, чем на отличающиеся консерватизмом метрические схемы и строфические формы.

5. Наблюдения, сделанные в ходе работы над синтаксическим словарем, позволили предположить некоторые выводы, касающиеся связи синтаксического строения поэтического текста с его метрикой и строфикой¹⁴.

¹⁴ Об основных тенденциях в метрике и строфике русской поэзии XVIII в. см. [Вишневский 1972; 1978; 2000].

Силлабический стих (см. табл. 5, с. 38—39), в первой трети XVIII в. чаще представленный 13- или 11-сложником, демонстрирует явное пристрастие к сложным конструкциям (Кантемир — 80 % всех предложений), однако Тредиаковский и Сумароков допускают простые предложения в своей более разнообразной по количеству слогов силлабике уже в 40 % репрезентаций.

Шестистопный ямб, обслуживавший у истоков русской силлабо-тонической поэзии практически все большие и малые поэтические жанры и относящийся к длинным размерам, только в 36 % контекстов строился по простым, но почти всегда осложненным обособлениями и обращениями моделям, с многочисленными однородными рядами (синтаксическая общность 6-стопного ямба и силлабического стиха обусловлена, вероятно, генетически: по количеству стоп-слогов 6-стопный ямб подобен силлабическим 12-13-сложникам); во второй половине XVIII в. Херасков и Державин еще более усложняют синтаксис Я6, однако уже к концу столетия Карамзин и Дмитриев до половины конструкций в этом размере строят по простым и уже не столь перегруженным обособленными оборотами моделям, часто прибегая к сочинительным и бессоюзным рядам однородных членов.

Второй по степени популярности и жанрово «всеядный» размер — четырехстопный ямб, несколько менее «легкий» (в части многокомпонентных предложений), чем Я6, в начале освоения русскими поэтами-классицистами, — потом медленно эволюционировал в направлении некоторого упрощения синтаксической организации.

В еще одном широко распространенном размере — неравноностопном ямбе — также преобладают сложные, как правило, многочастные, построения. Еще более сложен вольный хорей.

Редкий, но преобладающий среди хореев Х4 [Гаспаров 1972] на протяжении XVIII в. постепенно демократизируется (от Сумарокова до Карамзина и Дмитриева), поскольку за ним все прочнее закрепляется репутация песенного размера, очень существенно отдалившегося от традиций синтаксически переусложненной силлабики, однако как преимущественно сложный текст выстраивают Х4 в одах, переложениях псалмов Державин, Херасков и Радищев.

Сложность построения демонстрируют экспериментальные для XVIII в. размеры: Х3, длинные двусложники Я5, Х5, Х6, Х7 и амфибрахий, анапест, логаяд, гекзаметр и пентаметр. Напротив, простые предложения часты в полиметрических композициях, коротких Я2, Я3, Х2, в дактиле и тактовике¹⁵, характерных главным образом для песен и внежанровых стихотворений.

6. Важнейшая закономерность композиционно-синтаксической организации стихотворных текстов — сложное построение большинства нечетных по количеству строк и вольных строфических форм — см. табл. 6 (с. 39).

Преобладающими типами строфы в XVIII в. оказываются катрен, все более расширявший свои права в поэзии второй половины века, и одическое десятистишие; см. [Гаспаров 1984: 93].

С одностиями как уникальным явлением¹⁶ «своего рода *антистрофы*» [Федотов 2002: 19] и двустиями русская поэзия познакомилась благодаря сентименталистам¹⁷: одно- и двустия стремятся к синтаксической лаконичности (50—80% предложений¹⁸ в них являются простыми, но, как правило, осложненными обособленными оборотами

¹⁵ Тонический стих в основном был размером «простонародных» песен (см. о традиции его использования [Плунгян 2014: 47]) и был тесно связан со славянским народным стихом, что во многом объясняет преобладание простых предложений в тактовике.

¹⁶ Об истории одностий см., например, [Кузьмин 2016: 105—204].

¹⁷ Эпитафии-моностихи Державина («Здесь лежит Суворов» и др.) словарному описанию не подвергались, так как малые жанры Державина извлекались из издания в серии «Библиотека поэта. Большая серия», в состав которого они не были включены редакторами.

¹⁸ Если, однако, сопоставить графически расчлененные на двустия стихотворения и рассматриваемые в качестве астрофических двустрочия — целые произведения, то среди последних не более 30 % построены как монопредикативные высказывания у Кантемира, Карамзина, Дмитриева. Таким

и однородными рядами, ярко воплощающими сформулированный Т. И. Сильман главный принцип поэзии: «как можно короче и как можно полнее» [Сильман 1977: 33].

Трехстишия и пятистишия как нечетные по количеству строк образования, требующие особой рифмовки, отличаются уже гораздо более сложным построением (в них только до 30 % простых конструкций) и не претерпевают динамики на протяжении века.

Четырехстиший становится больше с течением времени, и этот тип строфы ярко отражает происходившие в поэтическом синтаксисе изменения, так что среди катренов Карамзина и Дмитриева преобладают, в отличие от классицистического этапа, простые конструкции.

Шестистишия разнятся: если у Кантемира, Хераскова и Державина они почти сплошь сложны, то у Ломоносова половину предложений в секстинах уже составляют простые, но чаще осложненные обособленными оборотами и увеличенные за счет однородных рядов конструкции; Дмитриев предпочитает строить шестистишия монопредикативными, без большого количества осложнителей, предложениями.

Семистишия, привнесенные в русскую поэзию Тредиаковским и Сумароковым, оказываются нейтральны к использованию простых и сложных предложений, поскольку, как правило, нечетное количество строк и более сложная, чем у четных строф, рифмовка заставляют поэтов делить септимы на два предложения. Дмитриев и Карамзин более явно стремятся упростить синтаксис семистиший, чем Сумароков и Державин.

Структура восьмистиший оказывается в среднем «легче», чем секстин, в поэзии Ломоносова, Сумарокова и Карамзина, которые упрощают их синтаксическое строение в сравнении с силлабическим этапом; однако Херасков, Державин и даже Дмитриев, напротив, выстраивают октавы как преимущественно сложные строфы в вероятном стремлении отличить восьмистишия от простой суммы катренов.

Деятелистишия построены очень сложно (Кантемир, Державин).

Характерные для од десятистишия имеют сложное синтаксическое строение; простые, но, как правило, осложненные обособленными оборотами, обращениями и нагруженные однородными рядами конструкции составляют в десятистишиях не более трети в сравнении с преобладающими многочастными. Ломоносов членит децимы на два и более простых предложения гораздо чаще, чем его последователи-классицисты. Дмитриев и Карамзин несколько упрощают построение десятистиший, экстраполируя демократизирующую поэтический синтаксис тенденцию и на строфу с одическим ореолом.

Астрофические стихотворения близки по своим синтаксическим особенностям и к более сложным восьми-, десяти- и двенадцатистишиям, претерпевая эволюцию в направлении все более заметного упрощения только в поэзии Тредиаковского и сентименталистов (видимо, по аналогии с катренами). На этом фоне вольные композиции стремятся к большей простоте уже у Ломоносова.

7. Проведенные наблюдения позволяют прийти к важным заключениям, касающимся функционирования разных видов конструкций в границах тех или иных стихотворных жанров, а также уточнить некоторые особенности индивидуально-авторского слога на синтаксическом уровне (последний аспект требует, разумеется, специального подробного рассмотрения).

Некоторые жанры отличаются стабильностью синтаксической организации (см. табл. 7, с. 40—41): так, ода как «высокий» жанр неизменно сложна, особенно духовная; также сложным построением отличаются гимны, эпистолы, сатиры, кантаты, сонеты. Идиллия, эклога и песня, романс, относящиеся к «средним» жанрам, уже больше насыщены простыми и более короткими предложениями. Простые предложения преобладают в балладах и баснях.

Иные жанры существенно изменяют свой синтаксический облик на протяжении XVIII в.: упрощается построение посланий, элегий, эпиграмм и внежанровых стихотворений

образом, стремление высказаться максимально лаконично обуславливает необходимость предикативного усложнения текста.

(у Тредиаковского последние еще состоят по преимуществу из сложных конструкций). Интересен своей жанровой и синтаксической противоречивостью мадригал, традиционно считающийся «низким» жанром, но сложно устроенный в синтаксическом плане.

8. Поэтический синтаксис формируется в условиях сложнейшего взаимодействия метрики, строфики и жанровых традиций и потому тяготеет к достаточно протяженным, состоящим в среднем из трех-четырех частей конструкциям, позволяющим — на фоне постоянно разворачивающейся борьбы ритма, метра и синтаксиса, попеременно сменяющих друг друга тенденций к сжатию и избыточности выражения, симметрии и асимметрии построения — как можно более успешно, в сравнении с простыми предложениями, выдерживать, преодолеть сопротивление жестких факторов (метрической схемы и строфической композиции) и при этом вложить в предложение так же сложно устроенный смысл, период в развитии мысли, целостный образ. Граница предложения чаще всего совпадает с частью характерной для XVIII столетия большой строфы; гораздо реже объем предложения оказывается равен целой строфе и только в единичных случаях выходит за ее пределы (см. табл. 8, с. 41). Длина предложения и его структурный тип оказываются, таким образом, более всего зависимыми от строфического построения текста, хотя размер, жанровые стилистические нормы и, разумеется, содержание стихотворения также предъявляют свои требования и накладывают свои ограничения на поэтический синтаксис. Невысокий процент использования анжамбеманов¹⁹ (см. табл. 9, с. 41) свидетельствует о стремлении поэтов классического периода совместить границы строки и синтаксической конструкции (чаще не отдельного предложения, а части сложной конструкции или осложняющего компонента), хотя в поэзии Ломоносова, Державина и Карамзина уже начинается проявляться все более отчетливое желание делать межстрочные связи более тесными и разнообразить ритм асимметрией стихового и синтаксического членения и паузирования.

Стихотворный текст в своих малых жанровых разновидностях отчетливо демонстрирует «напряжение», возникающее между желанием поэта сказать «как можно полнее» (в содержательно-информативном плане) и стремлением выразиться «как можно короче» (в формальном плане), между небольшим объемом целого произведения и сложностью построения его отдельных единиц. Проведенный в процессе работы над словарем анализ синтаксического строения русской поэтической классики создает необходимую основу для дальнейшего исследования целого ряда пока недостаточно изученных лингвопоэтических и историко-грамматических проблем, которые, разумеется, могли бы стать предметом будущих исследований в этой области. В заключение отметим, что именно в поэтической речи во всей полноте раскрывается функционально-семантический потенциал синтаксических единиц, здесь синтаксическая система языка проверяется поэтом на прочность, гибкость, богатство смысловых нюансов, но это, как и проблема интерпретации понятия «поэтический синтаксис» в аспектах синтаксических доминант идиостилей русских поэтов, тема, выражаем надежду, будущих филологических разысканий по материалам подготовленного к изданию синтаксического словаря XVIII в.²⁰

¹⁹ Учитывались случаи отсутствия знака препинания и, следовательно, пунктуационно оформленной паузы в конце строки как сигналы сильных синтаксических переносов; нарушение симметрии границ стиха и предикативной единицы (отдельного предложения, части сложной конструкции) наблюдается чаще, притом что знак препинания может в этом случае оформлять конец строки на месте межстиховой паузы.

²⁰ Автор статьи выражает глубокую благодарность сотрудникам кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета Е. Р. Гусевой, А. М. Дундуковой, И. Н. Дьячковой, А. А. Лебедеву, Е. А. Мухиной, А. В. Приображенскому, А. В. Рожковой, О. В. Семенову, Н. С. Шубиной, также трудившимся над созданием словаря и предоставившим необходимые для этой работы материалы по синтаксической разметке поэтических текстов, а также сотрудникам отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики ИРЯ им. В. В. Виноградова Л. Л. Шестаковой и Н. В. Перцову за ценные советы и замечания, касающиеся концепции синтаксического словаря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Азарова 2010 — Азарова Н. М. Язык философии и язык поэзии — движение навстречу (грамматика, лексика, текст). М.: Логос; Гнозис, 2010. [Azarova N. M. *Yazyk filosofii i yazyk poezii — dvizhenie navstrechu* (grammatika, leksika, tekst). [Language of philosophy and language of poetry: Moving towards each other (grammar, lexicon, text)]. Moscow: Logos; Gnozis, 2010.]
- Акимова 1973 — Акимова Г. Н. Размер предложения как фактор стилистики и грамматики (На материале русского литературного языка XVIII в.) // Вопросы языкознания. 1973. № 2. С. 69—79. [Akimova G. N. The size of the sentence as a factor of stylistics and grammar (on the material of the XVIII century Russian literary language). *Voprosy jazykoznanija*. 1973. No. 2. Pp. 69—79.]
- Акимова 1977 — Акимова Г. Н. О некоторых особенностях поэтического синтаксиса // Вопросы языкознания. 1977. № 1. С. 96—108. [Akimova G. N. Some features of the syntax of poetry. *Voprosy jazykoznanija*. 1977. No. 1. Pp. 96—108.]
- Белашапкина 1967 — Белашапкина В. А. Современный русский язык. М.: Просвещение, 1967. [Beloshapkova V. A. *Sovremennyyi russkii yazyk* [Modern Russian language]. Moscow: Prosveshchenie, 1967.]
- Береговская 2004 — Береговская Э. М. Очерки по экспрессивному синтаксису. М.: Рохос, 2004. [Beregovskaya E. M. *Ocherki po ekspressivnomu sintaksisu* [Essays on expressive syntax]. Moscow: Rokhos, 2004.]
- Брик 1927 — Брик О. Ритм и синтаксис // Новый Леф. 1927. № 3. С. 15—20; № 4. С. 23—29; № 5. С. 32—37; № 6. С. 33—39. [Brik O. Rhythm and syntax. *Novyi Lef*. 1927. No. 3. Pp. 15—20; No. 4. Pp. 23—29; No. 5. Pp. 32—37; No. 6. Pp. 33—39.]
- Вишневский 1972 — Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII века // Вопросы литературы XVIII века. Пенза: Изд-во Пензенского пед. ин-та, 1972. С. 129—258. [Vishnevskii K. D. Russian metrics of the XVIII century. *Voprosy literatury XVIII veka*. Penza: Penza Pedagogical Institute Publ., 1972. Pp. 129—258.]
- Вишневский 1978 — Вишневский К. Д. Архитектоника русского стиха XVIII — первой половины XIX века // Исследования по теории стиха. Л.: Наука, 1978. С. 48—66. [Vishnevskii K. D. Architectonics of the Russian verse of the XVIII — first half of the XIX century. *Issledovaniya po teorii stikha*. Leningrad: Nauka, 1978. Pp. 48—66.]
- Вишневский 2000 — Вишневский К. Д. Нетождественные строфы в русской поэзии XVIII—XIX вв.: классификация и функции // Онтология стиха. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. С. 51—62. [Vishnevskii K. D. Non-identical stanzas in the Russian poetry of the XVIII—XIX centuries: Classification and functions. *Ontologiya stikha*. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. Publ., 2000. Pp. 51—62.]
- Гаспаров 1972 — Гаспаров М. Л. Метрический репертуар русской лирики XVIII—XX вв. // Вопросы языкознания. 1972. № 1. С. 54—67. [Gasparov M. L. The metrical repertoire of the Russian lyric poetry of the XVIII—XX centuries. *Voprosy jazykoznanija*. 1972. No. 1. Pp. 54—67.]
- Гаспаров 1984 — Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика. М.: Наука, 1984. [Gasparov M. L. *Ocherk istorii russkogo stikha: metrika, ritmika, rifma, strofika* [An outline of the history of the Russian verse: Metrics, rhythemics, rhyme, strophic organization]. Moscow: Nauka, 1984.]
- Гаспаров, Скулачева 2004 — Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи по лингвистике стиха. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Gasparov M. L., Skulacheva T. V. *Stat'i po lingvistike stikha* [Articles on the linguistics of verse]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Жирмунский 1975 — Жирмунский В. М. Композиция лирических стихотворений // Жирмунский В. М. Теория стиха. Л.: Советский писатель, 1975. С. 433—536. [Zhirmunsky V. M. Composition of lyrical poems. *Zhirmunsky V. M. Teoriya stikha*. Leningrad: Sovetskii Pisatel', 1975. Pp. 433—536.]
- Ковтунова 1986 — Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. [Kovtunova I. I. *Poeticheskii sintaksis* [Poetic syntax]. Moscow: Nauka, 1986.]
- Кузьмин 2016 — Кузьмин Д. В. Русский моностих: очерк истории и теории. М.: Новое литературное обозрение, 2016. [Kuz'min D. V. *Russkii monostikh: ocherk istorii i teorii* [Russian monostich: An outline of history and theory]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2016.]
- Лебедев 2016 — Лебедев А. А. Поэтический синтаксис П. А. Вяземского. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2016. [Lebedev A. A. *Poeticheskii sintaksis P. A. Vyazemskogo. Avtoref. kand. diss.* [P. A. Vyazemsky's poetic syntax. Author's abstract of the cand. diss.]. St. Petersburg: St. Petersburg Syaye Univ., 2016.]
- Лебедева 1971 — Лебедева Н. В. Синтаксис поэтической речи // Русская речь. 1971. № 1. С. 27—31. [Lebedeva N. V. The syntax of poetic language. *Russkaya rech'*. 1971. No. 1. Pp. 27—31.]

- Матяш 2011 — Матяш С. А. Вольный ямб русской поэзии XVIII—XIX вв.: жанр, стиль, стих. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. [Matyash S. A. *Vol'nyi yamb russkoi poezii XVIII—XIX vv.: zhanr, stil', stikh* [Free iamb in Russian poetry of the XVIII—XIX centuries: Genre, style, verse]. St. Petersburg: Philology Department of the St. Petersburg State Univ., 2011.]
- Очерки 1993 — Очерки истории языка русской поэзии XX века. Грамматические категории. Синтаксис текста. М.: Наука, 1993. [*Ocherki istorii yazyka russkoi poezii XX veka. Grammaticheskie kategorii. Sintaksis teksta* [Essays on the history of the XX century Russian poetic language. Grammatical categories. Syntax of text]. Moscow: Nauka, 1993.]
- Патроева 2016a — Патроева Н. В. Некоторые теоретико-методологические основы создания словаря «нелексического» типа (на материале «Синтаксического словаря русской поэзии XVIII века») // Подробности словесности: сборник статей к юбилею Людмилы Владимировны Зубовой. СПб.: Свое издательство, 2016. С. 259—266. [Patroeva N. V. Some theoretical and methodological principles of creation of a «non-lexical» dictionary (based on the material of the «Syntactic dictionary of the XVIII century Russian poetry»). *Podrobnosti slovesnosti: sbornik statei k yubileyu Lyudmily Vladimirovny Zubovoi*. St. Petersburg: Svoe Izdatel'stvo, 2016. Pp. 259—266.]
- Патроева 2016b — Патроева Н. В. Русское осложненное предложение: учеб. пособие: в 3-х ч. Ч. 1. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. [Patroeva N. V. *Russkoe oslozhnennoe predlozhenie: ucheb. posobie: v 3-kh ch. Ch. 1*. [The Russian expanded sentence: A study guide in 3 parts. Part 1.] Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Publ., 2016.]
- Пейсахович 1976 — Пейсахович М. А. Астрофический стих и его формы // Вопросы языкознания. 1976. № 1. С. 93—106. [Peisakhovich M. A. Astrophic verse and its forms. *Voprosy jazykoznanija*. 1976. No. 1. Pp. 93—106.]
- Перетрухин 1979 — Перетрухин В. Н. Расширение, распространение и осложнение в простом предложении // Филологические науки. 1979. № 4. С. 46—50. [Peretruchin V. N. Expansion, extension, and complication in the simple sentence. *Filologicheskie nauki*. 1979. No. 4. Pp. 46—50.]
- Пешковский 1959 — Пешковский А. М. Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений? // Пешковский А. М. Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959. С. 131—146. [Peshkovskii A. M. Does coordination and subordination of sentences exist in Russian? Peshkovskii A. M. *Izbrannye trudy*. Moscow: Uchpedgiz, 1959. Pp. 131—146.]
- Плунгян 2014 — Плунгян В. А. Неклассический стих Лермонтова: некоторые детали // Ученые записки ПетрГУ. 2014. Сер.: Общ. и гуманитарные науки. № 7 (144). С. 40—51. [Plungian V. A. Lermontov's non-classical verse: Some details. *Uchenye zapiski PetrGU*. 2014. Ser.: Obshchestvennye i humanitarnye nauki. No. 7 (144). Pp. 40—51.]
- Поспелов 1960 — Поспелов Н. С. Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина. М.: Изд-во АН СССР, 1960. [Pospelov N. S. *Sintaksicheskii stroi stikhotvornykh proizvedenii Pushkina* [Syntactic structure of Pushkin's poetry]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960.]
- Поэтическая грамматика 2005 — Поэтическая грамматика / отв. ред. Красильникова Е. В. Т. I. М.: Азбуковник, 2005. [*Poeticheskaya grammatika* [Poetic grammar]. Krasil'nikova E. V. (ed.). Vol. I. Moscow: Azbukovnik, 2005.]
- Поэтическая грамматика 2013 — Поэтическая грамматика / отв. ред. Красильникова Е. В. Т. II. М.: Азбуковник, 2013. [*Poeticheskaya grammatika* [Poetic grammar]. Krasil'nikova E. V. (ed.). Vol. II. Moscow: Azbukovnik, 2013.]
- РГ 1980 — Русская грамматика: В 2 т. Т. II / Гл. ред. Шведова Н. Ю. М.: Наука, 1980. [*Russkaya grammatika* [Russian grammar]: In 2 vol. Vol. II. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]
- Санников 2008 — Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. [Sannikov V. Z. *Russkii sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve* [Russian syntax in the semantic and pragmatic space]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008.]
- Сидорова 2000 — Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста. М.: Изд-во МГУ, 2000. [Sidorova M. Yu. *Grammatika khudozhestvennogo teksta* [Grammar of the literary text]. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 2000.]
- Сильман 1967 — Сильман Т. И. Проблемы синтаксической стилистики. Л.: Просвещение, 1967. [Sil'man T. I. *Problemy sintaksicheskoi stilistiki* [Problems of syntactic stylistics]. Leningrad: Prosveshchenie, 1967.]
- Сильман 1977 — Сильман Т. И. Заметки о лирике. Л.: Советский писатель, 1977. [Sil'man T. I. *Zametki o lirike* [Notes on lyrics]. Leningrad: Sovetskii Pisatel', 1977.]

- Скулачева, Буякова 2010 — Скулачева Т. В., Буякова М. В. Стих и проза: сочинение и подчинение // Вопросы языкознания. 2010. №2. С. 37—54. [Skulacheva T. V., Buyakova M. V. Verse and prose: Coordination and subordination. *Voprosy jazykoznanija*. 2010. No. 2. Pp. 37—54.]
- Тарланов 2007 — Тарланов З. К. Университетский курс русского синтаксиса в научно-историческом освещении: учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. [Tarlanov Z. K. *Universitetskii kurs russkogo sintaksisa v nauchno-istoricheskom osveshchenii: ucheb. posobie* [A university course of the Russian syntax in scientific and historical light: A teaching guide]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Publ., 2007.]
- Томашевский 1959 — Томашевский Б. В. Стих и язык: филологические очерки. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. [Tomashevskii B. V. *Stikh i yazyk: filologicheskie ocherki* [Verse and language: Philological essays]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat, 1959.]
- Тынянов 1965 — Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. М.: Советский писатель, 1965. [Tyunyanov Yu. N. *Problema stikhotvornogo yazyka* [The problem of poetic language]. Moscow: Sovetskii Pisatel', 1965.]
- Урысон 2011 — Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов. М.: Языки славянских культур, 2011. [Uryson E. V. *Opyt opisaniya semantiki soyuzov* [Description of the semantics of conjunctions]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2011.]
- Федотов 2002 — Федотов О. И. Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха: В 2-х кн. Кн. 2. Строфика. М.: Флинта: Наука, 2002. [Fedotov O. I. *Osnovy russkogo stikhoslozheniya. Teoriya i istoriya russkogo stikha: V 2-kh kn. Kn. 2. Strofika* [Fundamentals of the Russian versification. Theory and history of the Russian verse: In 2 vol. Vol. 2. Strophic organization. Moscow: Flinta: Nauka, 2002.]
- Хютль-Фольтер 2002 — Хютль-Фольтер Г., Сауберер Г. О синтаксисе «Писем русского путешественника» Карамзина в сравнении с синтаксисом «Писем из Франции» Фонвизина // Онипенко Н. К. (ред.). Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М.: Эдиториал УРСС, 2002. [Hüttl-Folter G., Sauberer G. On the syntax of Karamzin's «Letters of a Russian traveller» compared with the syntax of Fonvizin's «Letters from France». *Kommunikativno-smyslovyje parametry grammatiki i teksta*. Onipenko N. K. (ed.). Moscow: Editorial URSS, 2002.]
- Шапир 1987 — Шапир М. И. «Грамматика поэзии» и ее создатели (Теория «поэтического языка» у Г. О. Винокура и Р. О. Якобсона) // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1987. Т. 46. № 2. С. 221—236. [Shapir M. I. «Grammar of poetry» and its creators (Theory of «poetic language» by G. O. Vinokur and R. O. Jakobson). *Izvestiya AN SSSR. OLYa*. 1987. Vol. 46. No. 2. Pp. 221—236.]
- Шапир 2003 — Шапир М. И. Три реформы русского стихотворного синтаксиса (Ломоносов — Пушкин — Иосиф Бродский) // Вопросы языкознания. 2003. № 3. С. 31—78. [Shapir M. I. Three reforms of the Russian verse syntax (Lomonosov — Pushkin — Josef Brodsky). *Voprosy jazykoznanija*. 2003. No. 3. Pp. 31—78.]
- Шестакова 2012 — Шестакова Л. Л. Сводные словари поэтического языка в современной русской лексикографии // Современное русское языкознание и лингводидактика: сб. трудов, посвященный 90-летию со дня рождения академика РАО Н. М. Шанского. М.: Изд-во МГОУ, 2012. С. 411—420. [Shestakova L. L. Consolidated dictionaries of poetic language in modern Russian lexicography. *Sovremennoe russkoe jazykoznanie i lingvodidaktika: sb. trudov, posvyashchenniy 90-letiyu so dnya rozhdeniya akademika RAO N. M. Shanskogo*. Moscow: Moscow Region State Univ. Publ., 2012. Pp. 411—420.]
- Эйхенбаум 1969 — Эйхенбаум Б. М. Мелодика русского лирического стиха // Эйхенбаум Б. М. О поэзии. М.: Советский писатель, 1969. С. 327—511. [Eikhenbaum B. M. *Melodics of the Russian lyrical verse*. Eikhenbaum B. M. *O poezii*. Moscow: Sovetskii Pisatel', 1969. Pp. 327—511.]
- Якобсон 1987 — Якобсон Р. О. Вопросы поэтики. Постскрипtum к одноименной книге // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С.80—98. [Jakobson R. O. Problems of poetics. A postscript to the book with the same name. Jakobson R. O. *Raboty po poetike*. Moscow: Progress, 1987. Pp. 80—98.]

Получено / received 25.01.2017

Принято / accepted 04.04.2017

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Общая типология предложений

Тип предложения	Кантемир	Тредиаков-ский	Ломоносов	Сумароков	Херасков	Державин	Радищев	Карамзин	Дмитриев
Неосложненные двусоставные предложения (НДП)	80 (9,7%)	114 (19,2%)	448 (20,5%)	600 (19,9%)	101 (13,9%)	266 (14,4%)	23 (10,0%)	427 (23,6%)	952 (27,3%)
Неосложненные односоставные предложения (НОП)	22 (2,7%)	17 (2,9%)	61 (2,8%)	128 (4,2%)	47 (6,5%)	73 (4,0%)	7 (3,0%)	140 (7,7%)	286 (8,2%)
Осложненные двусоставные предложения (ОДП)	45 (5,4%)	55 (9,3%)	269 (12,3%)	288 (9,5%)	28 (3,8%)	140 (7,6%)	24 (10,4%)	138 (7,6%)	392 (11,3%)
Осложненные односоставные предложения (ООП)	23 (2,8%)	22 (3,7%)	65 (3,0%)	88 (2,9%)	21 (2,9%)	49 (2,7%)	5 (2,2%)	74 (4,1%)	146 (4,2%)
Бинарные сложносочиненные предложения (БССП)	19 (2,3%)	19 (3,2%)	99 (4,5%)	179 (5,9%)	43 (5,9%)	91 (4,9%)	3 (1,3%)	96 (5,3%)	199 (5,7%)
Бинарные сложноподчиненные предложения (БСПП)	96 (11,6%)	57 (9,6%)	342 (15,7%)	431 (14,3%)	93 (12,8%)	187 (10,1%)	26 (11,3%)	162 (9,0%)	256 (7,3%)
Бинарные бессоюзные предложения (ББСП)	71 (8,6%)	67 (11,3%)	278 (12,7%)	294 (9,7%)	90 (12,4%)	223 (12,1%)	28 (12,2%)	255 (14,1%)	390 (11,2%)
Многокомпонентные сложные предложения ¹ с сочинением (МССП)	6 (0,7%)	4 (0,7%)	3 (0,1%)	13 (0,4%)	3 (0,4%)	11 (0,6%)	0 (0,0%)	1 (0,1%)	27 (0,8%)
Многокомпонентные сложные предложения с подчинением (МСПП)	76 (9,2%)	16 (2,7%)	140 (6,4%)	85 (2,8%)	30 (4,1%)	63 (3,4%)	2 (0,9%)	59 (3,3%)	57 (1,6%)

Тип предложения	Кантемир	Тредиаковский	Ломоносов	Сумароков	Херасков	Державин	Радищев	Карамзин	Дмитриев
Многокомпонентные сложные предложения с бессоюзием (МБСП)	35 (4,2%)	65 (11,0%)	114 (5,2%)	145 (4,8%)	49 (6,7%)	173 (9,4%)	37 (16,1%)	124 (6,9%)	146 (4,2%)
Многокомпонентные сложные предложения с сочинением и подчинением (МСПСП)	73 (8,8%)	34 (5,7%)	109 (5,0%)	191 (6,3%)	40 (5,5%)	89 (4,8%)	7 (3,0%)	48 (2,7%)	76 (2,2%)
Многокомпонентные сложные предложения с сочинением и бессоюзием (МСПСБ)	24 (2,9%)	27 (4,6%)	55 (2,5%)	174 (5,8%)	41 (5,6%)	165 (8,9%)	15 (6,5%)	96 (5,3%)	217 (6,2%)
Многокомпонентные сложные предложения с подчинением и бессоюзием (МСППБ)	146 (17,6%)	51 (8,6%)	100 (4,6%)	220 (7,3%)	102 (14,0%)	200 (10,8%)	40 (17,4%)	127 (7,0%)	150 (4,3%)
Многокомпонентные сложные предложения с сочинением, подчинением и бессоюзием (МСПСПБ)	109 (13,2%)	44 (7,4%)	98 (4,5%)	172 (5,7%)	40 (5,5%)	110 (6,0%)	13 (5,7%)	53 (2,9%)	117 (3,4%)
Фразеологизированные предложения	0 (0,0%)	0 (0,0%)	1 (0,0%)	7 (0,2%)	0 (0,0%)	5 (0,3%)	0 (0,0%)	1 (0,1%)	23 (0,7%)
Нечленимые предложения	3 (0,4%)	1 (0,2%)	0 (0,0%)	7 (0,2%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	9 (0,5%)	49 (1,4%)
Всего ²	828 (100,0%)	593 (100,0%)	2182 (100,0%)	3022 (100,0%)	728 (100,0%)	1845 (100,0%)	230 (100,0%)	1810 (100,0%)	3483 (100,0%)

¹ Многокомпонентные сложные предложения — конструкции, состоящие из трех и более предикативных частей, демонстрирующие связь одного типа (так называемые «чистые» структуры) или основанные на комбинации разных типов связей; синтаксический словарь русской поэзии описывает

многокомпонентные сложные предложения с сочинением (в которых все части скреплены сочинительными союзами), с подчинением (в которых все части скреплены подчинительными союзами и союзными словами), с бессоюзием (в которых все части связаны без использования союзов, интонационно), с сочинением и подчинением (в построении предложения участвуют сочинительные и подчинительные союзы, а также относительные местоимения), с сочинением и бессоюзием (в построении предложения участвуют сочинительные союзы и только интонацией соединенные части), с сочинением, подчинением и бессоюзием (структура предложения включает части, соединенные как без участия релятивов, так и с помощью сочинительных, подчинительных союзов и относительных местоимений).

² Корпусы сопоставляемых текстов существенно различаются по объему в силу двух обстоятельств. 1) авторы синтаксического словаря придерживались принципа сплошной выборки предложений из полных или наиболее полных по объему собраний стихотворений, избегая по возможности только переводов других поэтов (так, из «Собрания стихотворений» Антиоха Кантемира для синтаксической разметки не был выбран раздел «Переводы», а также пятая сатира «На человеческие злонравия вообще», являющаяся вольным переделом одной из глав сатиры Буало), между тем последовательное исключение всяких стихотворных произведений, возникших как в разной степени вольные переводы и переложения, в качестве принципа, общего для словаря в целом, все же не представлялось возможным: например, многие басни И. И. Дмитриева возникли именно на основе вольных переводов зарубежных аналогов, однако, несмотря на данное обстоятельство, представляют собой оригинальные в художественном отношении произведения, оказавшие несомненное влияние не только на язык и стиль талантливых последователей Дмитриева (в частности, И. А. Крылова), но и на процесс демократизации норм русской литературной речи рубежа XVIII—XIX вв., — отсюда сравнительно небольшой объем попавших в выборку предложений из В. К. Тредиаковского, часто обращавшегося к переводам зарубежных авторов; 2) творческая биография некоторых авторов в большей степени была связана с созданием прозаических произведений, драм или поэм (Тредиаковский, Херасков, Радищев) или очень коротка (Кантемир), однако в силу того, что выборка данных по малым поэтическим жанрам производилась сплошным образом, данные о процентном соотношении тех или иных синтаксических структур представляются вполне информативными, несмотря на количественные расхождения в две с половиной тысячи предложений (например, между Дмитриевым и Радищевым).

Таблица 2

Соотношение простых и сложных предложений в русской поэзии XVIII в.
(% от общего числа предложений)

Тип предложения	Кантемир	Тредиаковский	Ломоносов	Сумароков	Херасков	Державин	Радищев	Карамзин	Дмитриев
Простое предложение	20,6 %	35,1 %	37,7 %	35,4 %	27,2 %	28,7 %	25,6 %	43,6 %	51,0 %
Сложное предложение	79,4 %	64,9 %	62,3 %	64,6 %	72,8 %	71,3 %	74,4 %	56,4 %	49,0 %

Таблица 3

Соотношение сочинения, подчинения и бессоюзия в сложных конструкциях

Тип процентного соотношения	Вид сложного предложения						
	Сложно-сочинение предложение (БСП+МСПП)	Сложное предложение с сочинением и бессоюзием (МСПБ)	Сложно-подчиненное предложение (БСП+МСПП)	Сложное предложение с подчинением и бессоюзием (МСПБ)	Сложное предложение с сочинением и подчинением (МСПП)	Бессоюзное сложное предложение (ББСП+МБСП)	Сложное предложение с сочинением, подчинением и бессоюзием (МСПСПБ)
Доля от общего количества конструкций	5,6%	5,7%	14,7%	8,1%	4,4%	17,7%	5,1%
Доля от количества сложных конструкций	9,1%	9,2%	24,0%	13,3%	7,2%	28,9%	8,3%

Таблица 4

Максимальная и средняя длина предложения

Автор	Длина предложения (кол-во слов)		Длина предложения (кол-во строк)	
	Максимальная	Средняя	Максимальная	Средняя
Кантемир	133	22,6	18	3,4
Тредиаковский	156	15,6	22	3,2
Ломоносов	134	16,6	12	3,4
Сумароков	88	14,3	17	2,7
Херасков	108	16,1	14	3,7
Державин	114	20,5	24	4,5
Радищев	60	19,9	10	4,3
Карамзин	143	15,0	34	2,9
Дмитриев	112	12,2	18	2,3

Таблица 5

Синтаксис и метрика (абсолютные и процентные показатели от общего количества предложений, встречающихся в стихотворениях соответствующего типа стихосложения и размера)

Метрика	Тип предложения											Всего предложений
	НДП	ДОП	НОП	ООП	БСП	БСПП	ББСП	ББСПП	МСПП	МБСП	МСПРЗ	
Силлабика	174 (14,1%)	93 (7,5%)	42 (3,4%)	42 (3,4%)	33 (2,7%)	137 (11,1%)	125 (10,1%)	7 (0,6%)	92 (7,4%)	67 (5,4%)	426 (34,4%)	1238 (100%)
Я6	491 (18,7%)	255 (9,7%)	127 (4,8%)	72 (2,7%)	161 (6,1%)	394 (15%)	258 (9,9%)	11 (0,4%)	118 (4,5%)	110 (4,2%)	622 (23,7%)	2619 (100%)
Я4	869 (18,9%)	450 (9,8%)	225 (4,9%)	164 (3,6%)	247 (5,4%)	474 (10,3%)	553 (12,0%)	17 (0,4%)	162 (3,5%)	359 (7,8%)	1074 (23,4%)	4594 (100%)
ЯНр ³	1028 (25,9%)	377 (9,5%)	251 (6,3%)	123 (3,1%)	222 (5,6%)	398 (10%)	397 (10,0%)	22 (0,6%)	96 (2,4%)	187 (4,7%)	870 (21,9%)	3971 (100%)
Я3	79 (17,9%)	39 (8,8%)	20 (4,5%)	25 (5,7%)	25 (5,7%)	60 (13,6%)	66 (14,9%)	4 (0,9%)	18 (4,1%)	20 (4,5%)	86 (19,5%)	442 (100%)
Я2	2 (40,0%)	0 (0,0%)	3 (60%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	5 (100%)
Я5	3 (10,7%)	1 (3,6%)	0 (0,0%)	3 (10,7%)	0 (0,0%)	5 (17,9%)	6 (21,4%)	0 (0,0%)	1 (3,6%)	1 (3,6%)	8 (28,6%)	28 (100%)
Х4	180 (18,1%)	108 (10,9%)	69 (6,8%)	34 (3,3%)	38 (3,8%)	108 (10,9%)	174 (17,4%)	1 (0,1%)	21 (2,1%)	76 (7,5%)	187 (18,8%)	996 (100%)
ХНр	19 (14,6%)	16 (12,3%)	1 (0,8%)	6 (4,6%)	5 (3,8%)	15 (11,5%)	15 (11,5%)	1 (0,8%)	3 (2,3%)	15 (11,5%)	34 (26,2%)	130 (100%)
Х3	6 (15,0%)	1 (2,5%)	0 (0,0%)	2 (5,0%)	4 (10%)	1 (2,5%)	6 (15,0%)	0 (0,0%)	1 (2,5%)	9 (22,5%)	10 (25%)	40 (100%)
Х5	2 (15,4%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	3 (23,1%)	2 (15,4%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	2 (15,4%)	4 (30,8%)	13 (100%)
Х6	1 (14,3%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	1 (14,3%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	1 (14,3%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	4 (57,1%)	7 (100%)
Х7	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	1 (20%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	1 (20%)	3 (60,0%)	5 (100%)
Д2	10 (21,7%)	3 (6,5%)	2 (4,3%)	2 (4,3%)	1 (2,2%)	5 (10,9%)	16 (34,8%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	3 (6,5%)	4 (8,7%)	46 (100%)
Д3	11 (50,0%)	3 (13,6%)	1 (4,5%)	1 (4,5%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	4 (18,2%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	2 (9,1%)	0 (0,0%)	22 (100%)
Д4	8 (29,6%)	5 (18,5%)	1 (3,7%)	2 (7,4%)	4 (14,8%)	0 (0,0%)	2 (7,4%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	4 (14,8%)	1 (3,7%)	27 (100%)
ДНр	22 (34,4%)	9 (14,1%)	1 (1,6%)	3 (4,7%)	0 (0,0%)	4 (6,3%)	15 (23,4%)	0 (0,0%)	2 (3,1%)	8 (12,5%)	0 (0,0%)	64 (100%)
Амф2	7 (21,2%)	3 (9,1%)	1 (3,0%)	0 (0,0%)	3 (9,1%)	1 (3,0%)	7 (21,2%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	5 (15,2%)	6 (18,2%)	33 (100%)
Амф3	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	1 (100,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	1 (100%)
Амф4	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	1 (50,0%)	1 (50,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	2 (100%)
Ан2	1 (14,3%)	0 (0,0%)	1 (14,3%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	2 (28,6%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	3 (42,9%)	7 (100%)

Метрика	Тип предложения										Всего предло-жений
	НДП	ДОП	НОП	ООП	БССП	БСПП	ББСП	МССП	МСПП	МБСП	МСПРЗ
АнЗ	1 (8,3%)	0 (0,0%)	2 (16,7%)	1 (8,3%)	1 (8,3%)	2 (16,7%)	2 (16,7%)	1 (8,3%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	2 (16,7%)
АнНр	2 (22,2%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	2 (22,2%)	1 (11,1%)	0 (0,0%)	1 (11,1%)	0 (0,0%)	3 (33,3%)
Полиметрические композиции	70 (19,1%)	35 (9,5%)	25 (6,8%)	11 (3,0%)	17 (4,6%)	37 (10,1%)	44 (12,0%)	4 (1,1%)	4 (1,1%)	52 (14,2%)	68 (18,5%)
Тактовик	0 (0,0%)	1 (10,0%)	0 (0,0%)	3 (30,0%)	0 (0,0%)	1 (10,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	1 (10,0%)	1 (10,0%)	3 (30,0%)

³ Нр — неравностоппный, в том числе вольный стих.

Таблица 6

Синтаксис и строфика (абсолютные и процентные показатели от общего количества предложений, встречающихся в тождественнострофических стихотворениях с графически выделенными пробелом строфами)

Строфика	Тип предложения										Всего предло-жений
	НДП	ДОП	НОП	ООП	БССП	БСПП	ББСП	МССП	МСПП	МБСП	МСПРЗ
2-стишие	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	4 (50,0%)	2 (25,0%)	0 (0,0%)	2 (25,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	8 (100%)
3-стишие	5 (18,5%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	2 (7,4%)	2 (7,4%)	1 (3,7%)	6 (22,2%)	0 (0,0%)	2 (7,4%)	4 (14,8%)	27 (100%)
4-стишие	281 (18,5%)	173 (11,4%)	79 (5,2%)	67 (4,4%)	88 (5,8%)	149 (9,8%)	216 (14,2%)	6 (0,4%)	42 (2,8%)	133 (8,7%)	289 (19,0%)
5-стишие	27 (19,0%)	12 (8,5%)	1 (0,7%)	2 (1,4%)	4 (2,8%)	10 (7,0%)	16 (11,3%)	3 (2,1%)	4 (2,8%)	17 (12%)	46 (32,4%)
6-стишие	86 (18,4%)	56 (12%)	19 (4,1%)	14 (3,0%)	13 (2,8%)	49 (10,5%)	68 (14,5%)	2 (0,4%)	8 (1,7%)	45 (9,6%)	108 (23,1%)
7-стишие	19 (20,7%)	13 (14,1%)	8 (8,7%)	5 (5,4%)	7 (7,6%)	7 (7,6%)	12 (13,0%)	1 (1,1%)	0 (0,0%)	3 (3,3%)	17 (18,5%)
8-стишие	115 (14,2%)	64 (7,9%)	56 (6,9%)	25 (3,1%)	41 (5%)	78 (9,6%)	114 (14,0%)	3 (0,4%)	34 (4,2%)	63 (7,8%)	219 (27,0%)
9-стишие	8 (22,2%)	1 (2,8%)	1 (2,8%)	0 (0,0%)	2 (5,6%)	2 (5,6%)	10 (27,8%)	2 (5,6%)	1 (2,8%)	0 (0,0%)	9 (25,0%)
10-стишие	504 (18,1%)	300 (10,8%)	104 (3,7%)	89 (3,2%)	127 (4,6%)	321 (11,5%)	380 (13,7%)	5 (0,2%)	99 (3,6%)	231 (8,3%)	621 (22,3%)
12-стишие	25 (18,3%)	9 (6,3%)	11 (8,3%)	3 (2,3%)	12 (9,1%)	8 (6,1%)	15 (13,4%)	0 (0,0%)	3 (2,3%)	8 (6,1%)	38 (28,7%)
вольная композиция (неравнострофный стих)	599 (22,3%)	270 (10%)	175 (6,5%)	101 (3,8%)	124 (4,6%)	277 (10,3%)	320 (11,9%)	13 (0,5%)	92 (3,4%)	147 (5,5%)	573 (21,3%)
астрофическая композиция	1262 (22,1%)	487 (8,5%)	289 (5,1%)	149 (2,6%)	324 (5,7%)	725 (12,7%)	505 (8,8%)	30 (0,5%)	222 (3,9%)	252 (4,4%)	1462 (25,6%)

5707 (100%)

Таблица 7

Синтаксис и жанр (абсолютные и процентные показатели от общего количества предложений, встречающихся в стихотворениях соответствующего жанра)

Жанры	Тип предложения												Всего предло-жений
	НДП	ДОП	НОП	ООП	БССП	БСПП	ББСП	МССП	МСПП	МБСП	МСПРз		
ода	629 (17,3%)	368 (10,1%)	135 (3,7%)	122 (3,4%)	183 (5,7%)	420 (11,6%)	420 (11,6%)	10 (0,4%)	143 (3,3%)	307 (8,5%)	893 (24,5%)	3630 (100%)	
	1 (3,0%)	0 (0,0%)	6 (18,2%)	2 (6,1%)	3 (9,1%)	1 (3,0%)	9 (27,3%)	1 (3,0%)	2 (6,1%)	1 (3,0%)	7 (21,2%)	33 (100%)	
послание, пись-мо, эпистола	248 (17,0%)	137 (9,4%)	65 (4,5%)	44 (3,0%)	93 (6,4%)	188 (12,9%)	152 (10,4%)	4 (0,3%)	71 (4,9%)	71 (4,9%)	384 (26,4%)	1457 (100%)	
	60 (20,3%)	33 (11,2%)	22 (7,5%)	20 (6,8%)	24 (8,1%)	27 (9,2%)	36 (12,2%)	1 (0,3%)	4 (1,4%)	14 (4,7%)	54 (18,3%)	295 (100%)	
песня, романс	97 (20,7%)	30 (6,4%)	38 (8,1%)	23 (4,9%)	38 (8,1%)	41 (8,7%)	62 (13,2%)	1 (0,2%)	4 (0,9%)	44 (9,4%)	91 (19,4%)	469 (100%)	
	3 (9,1%)	0 (0,0%)	1 (3,0%)	3 (9,1%)	3 (9,1%)	1 (3,0%)	3 (9,1%)	0 (0,0%)	1 (3,0%)	9 (27,3%)	9 (27,3%)	33 (100%)	
кантата	17 (24,6%)	4 (5,8%)	6 (8,7%)	5 (7,2%)	2 (2,9%)	6 (8,7%)	8 (11,6%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	8 (11,6%)	13 (18,8%)	69 (100%)	
	106 (11,8%)	44 (4,9%)	35 (3,9%)	22 (2,4%)	29 (3,2%)	117 (13,0%)	64 (7,1%)	5 (0,6%)	67 (7,5%)	38 (4,2%)	372 (41,4%)	899 (100%)	
сатира	381 (29,4%)	135 (10,4%)	113 (8,7%)	28 (2,2%)	108 (8,3%)	100 (7,7%)	110 (8,5%)	9 (0,7%)	27 (2,1%)	47 (3,6%)	239 (18,4%)	1297 (100%)	
	165 (25,9%)	55 (8,6%)	35 (5,5%)	6 (0,9%)	42 (6,6%)	91 (14,3%)	57 (8,9%)	4 (0,6%)	17 (2,7%)	18 (2,8%)	148 (23,2%)	638 (100%)	
причта	11 (26,8%)	4 (9,8%)	1 (2,4%)	0 (0,0%)	2 (4,9%)	5 (12,2%)	7 (17,1%)	1 (2,4%)	2 (4,9%)	1 (2,4%)	7 (17,1%)	41 (100%)	
	20 (27,4%)	9 (12,3%)	4 (5,5%)	1 (1,4%)	4 (5,5%)	10 (13,7%)	2 (2,7%)	0 (0,0%)	2 (2,7%)	1 (1,4%)	20 (27,4%)	73 (100%)	
героида	79 (27,9%)	26 (9,2%)	11 (3,9%)	5 (1,8%)	19 (6,7%)	35 (12,4%)	34 (12,0%)	1 (0,4%)	5 (1,8%)	14 (4,9%)	54 (19,1%)	283 (100%)	
	28 (22,4%)	13 (10,4%)	9 (7,2%)	8 (6,4%)	9 (7,2%)	9 (7,2%)	12 (9,6%)	1 (0,8%)	3 (2,4%)	11 (8,8%)	22 (17,6%)	125 (100%)	
надпись	48 (14,1%)	48 (14,1%)	12 (3,5%)	4 (1,2%)	34 (10,0%)	58 (17,1%)	33 (9,7%)	1 (0,3%)	13 (3,8%)	20 (5,9%)	69 (20,3%)	340 (100%)	
	30 (18,3%)	12 (7,3%)	11 (6,7%)	10 (6,1%)	9 (5,5%)	13 (7,9%)	14 (8,5%)	0 (0,0%)	10 (6,1%)	16 (9,8%)	39 (23,8%)	164 (100%)	
идиллия	42 (26,1%)	17 (10,6%)	3 (1,9%)	2 (1,2%)	11 (6,8%)	21 (13,0%)	13 (8,1%)	1 (0,6%)	3 (1,9%)	3 (1,9%)	45 (28,0%)	161 (100%)	
	20 (29,9%)	7 (10,4%)	7 (10,4%)	5 (7,5%)	6 (9,0%)	6 (9,0%)	3 (4,5%)	0 (0,0%)	1 (1,5%)	2 (3,0%)	10 (14,9%)	67 (100%)	

Жанры	Тип предложения											Всего предло-жений
	НДП	ДОП	НОП	ООП	БССП	БСПП	ББСП	МССП	МСПП	МБСП	МСПРз	
сонет	5 (14,7%)	2 (5,9%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	4 (11,8%)	3 (8,8%)	2 (5,9%)	0 (0,0%)	4 (11,8%)	1 (2,9%)	13 (38,2%)	34 (100%)
рондо	2 (25,0%)	1 (12,5%)	1 (12,5%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	2 (25,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	2 (25,0%)	8 (100%)
стансы	19 (18,6%)	18 (17,6%)	2 (2,0%)	5 (4,9%)	13 (12,7%)	14 (13,7%)	11 (10,8%)	0 (0,0%)	4 (3,9%)	2 (2,0%)	14 (13,7%)	102 (100%)
мадригал	3 (13,6%)	2 (9,1%)	1 (4,5%)	0 (0,0%)	2 (9,1%)	4 (18,2%)	2 (9,1%)	2 (9,1%)	0 (0,0%)	1 (4,5%)	5 (22,7%)	22 (100%)
внежанровое стихотворение	795 (21,8%)	360 (9,9%)	223 (6,1%)	137 (3,8%)	245 (6,7%)	318 (8,7%)	451 (12,4%)	22 (0,6%)	94 (2,6%)	247 (6,8%)	748 (20,5%)	3640 (100%)

Таблица 8

Границы предложения в сопоставлении с объемом строфы

Границы предложения и строф ⁴	Кантемир	Тредиаков-ский	Ломоносов	Сумароков	Херасков	Державин	Радищев	Карамзин	Дмитриев
СОВПАДАЮТ	22 (52,4%)	116 (28,0%)	195 (11,8%)	108 (12,4%)	88 (37,6%)	471 (32,7%)	28 (20,0%)	195 (18,7%)	178 (22,0%)
Предложение КОРОЧЕ строфы	14 (33,3%)	293 (71,5%)	1460 (88,0%)	765 (87,5%)	145 (62%)	948 (66,0%)	111 (80,0%)	834 (79,3%)	624 (76,8%)
Предложение ДЛИННЕЕ строфы	6 (14,4%)	2 (0,5%)	4 (0,2%)	1 (0,1%)	1 (0,4%)	19 (1,3%)	0 (0%)	21 (2,0%)	10 (1,2%)

⁴ Подсчеты проводились на материале тождественнострофических произведений с графической разбивкой (пробелом) на строфы.

Таблица 9

Синтаксические переносы из строки в строку (в процентном соотношении с общим количеством строк-стихов)

Кантемир	Тредиаков-ский	Ломоносов	Сумароков	Херасков	Державин	Радищев	Карамзин	Дмитриев
29,4%	14,7%	24,4%	14%	20%	22%	16,2%	30,4%	18%